

Евгений Бунимович
Девятый класс. Вторая школа

Евгений Бунимович
Девятый класс.
Вторая школа

Объяснение в любви
в 23 частях

ИЗДАТЕЛЬСТВО **аст**

УДК 821.161.1-94
ББК 84 (2Рос=Рус)6-4
Б91

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Издательство благодарит за предоставленные фотографии ЕВГЕНИЯ БУНИМОВИЧА и НАТАЛЬЮ ЗОРИНУ, а также АЛЕКСАНДРА КОВАЛЬДЖИ, СЕРГЕЯ МЕНДЕЛЕВИЧА, ВЛАДИМИРА МИШУКОВА и СЕРГЕЯ ШУГАРОВА.

Бунимович, Евгений

Б91 Девятый класс. Вторая школа. Объяснение в любви в 23 частях / ЕВГЕНИЙ БУНИМОВИЧ. — Москва: АСТ: CORPUS, 2012. — 160 с.

ISBN 978-5-17-077207-0 (ООО “Издательство АСТ”)

Евгений Бунимович — поэт, публицист, педагог, общественный деятель. Заслуженный учитель России, лауреат премии Москвы в области литературы и искусства, премии Союза журналистов России, премии Правительства РФ в области образования, кавалер французского ордена Академических пальмовых ветвей.

Е. Бунимович — автор десяти книг стихов, сборников статей и эссе, а также школьных учебников по математике, участник поэтических фестивалей во Франции, Бельгии, Италии, Германии, Англии, США, Канаде, Китае и Украине. Его стихи и эссе печатались во многих странах мира в переводах на английский, французский, немецкий, голландский, испанский, польский, румынский, арабский, китайский и другие языки.

“Девятый класс. Вторая школа” — книга воспоминаний о знаменитой 2-й физико-математической школе, слава о которой гремела по Москве и где сложилось совершенно уникальное сообщество неординарных учителей и учеников со свободным взглядом на мир, на окружающую действительность.

УДК 821.161.1-94
ББК 84 (2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-17-077207-0 (ООО “Издательство АСТ”)

© Е. Бунимович, 2012
© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2012
© ООО “Издательство АСТ”, 2012
Издательство CORPUS ®

Оглавление

Необходимое предуведомление	9
До	13
Француженки.....	17
Феликс	22
Класс	29
Классный	37
Бегемот и другие	44
Только влюбленный	50
Зоя	57
Фантомас	62
Лишние хромосомы	67
Непомнящий	72
Северный поход	77

ЭлПэ	87
Возвращение	95
Невольник чести	102
Сивашинский	107
Крука	111
Экзамены	116
После	123
Наталья Васильевна	129
Встречи и прощания	133
Шеф	140
Personalia	145

**Девятый класс.
Вторая школа**

Необходимое предуведомление

Логика была математически безупречной — все-таки звонили из физматшколы.

К полувековому юбилею готовился том воспоминаний выпускников знаменитой московской Второй школы. Коль скоро я выпускник, да еще последнего перед ее разгромом 1970 года, и при всем при том в некотором смысле писатель, то сами небеса велют мне поучаствовать в этой достойной акции.

Но, видно, небеса тогда не очень велели. Ничего я не написал.

Прошло еще пять лет, вышла объемистая книжка воспоминаний выпускников и учителей. Школа отмечала следующий, уже не столь круглый юбилей. Мы пили чай (не только) в кабинете нашего легендарного директора Владимира Федоровича Овчинникова. Потом с однокашниками и нашим классным Яковом Васильевичем Мозгановым в кстати подвернувшейся забегаловке ели, пили, пели, вспоминали.

После активных ностальгических возлияний долго не спалось. В неверном предутреннем полусне стали возникать картинки — сначала смутные, потом все более яркие...

Собственно, так и появились эти воспоминания. Оставалось только записать. Теперь на бумаге все выглядит не столь ярко и пронзительно. Тогда, под утро, с похмелья получилось (показалось?) куда лучше.

Когда идут стихи — это как карабкаешься куда-то вверх: то легкость нездешняя, то дыхание сбивается и можешь сорваться. А эти воспоминания я писал без напряжения (верный признак графомании).

И еще. Бывают мемуаристы — с первого случайного знакомства замечательные люди доверяют им свои самые сокровенные мысли и чувства. Со мной не так. Не делились. Не сразу.

Пришел я в школу четырнадцатилетним шалопаем. У мальчишек в карманах вечно собирается всяческая кажущаяся только им важной дребедень. Наверное, и то, что вспомнилось, — такая же дребедень, совсем не самое важное. Но запомнилось именно это.

А память у меня никуда. И это только углубляется с годами (как, впрочем, и все остальное). Получается — мало того что застряло в памяти не самое важное, так еще и этому застрявшему едва ли можно вполне доверять.

Но ничего перепроверять не буду. Как это сохранилось в пыльных байтах моей памяти со всеми ее вирусами и тараканами — так это и было. Таков базовый постулат моего эгоцентрического мироощущения.

В конце концов, осознанию непростых взаимоотношений между правдой факта и правдой

ЕВГЕНИЙ БУНИМОВИЧ ДЕВЯТЫЙ КЛАСС. ВТОРАЯ ШКОЛА

художественного вымысла меня учила именно
Вторая школа.

А я был хорошим учеником.

До

Рос я ребенком задумчивым и покладистым, звезд с неба не хватал.

До школы гулял в маленькой частной детской группе по саду ЦДСА, теперь он — Екатерининский парк. Наша бонна заодно якобы учила нас немецкому. В итоге немецкий оказался как раз из тех языков, на которых не знаю практически ни слова. В отличие от Саши Кауфмана — теперь он Александр Давыдов. Он тоже ходил в эту дошкольную группу и по сей день помнит (если не врет) какой-то немецкий стишок.

Впрочем, Сашка, как и все остальные в группе, был старше меня на год. А когда тебе пять лет, а им, гадам, уже шесть, это весьма существенно.

Собственно, эта дельта возрастов и определила мою дальнейшую образовательную траекторию. Когда все пятеро партнеров по немецким прогулкам в саду Советской армии отправились в первые классы, встал вопрос, что делать со мной, которому до школы оставался еще целый год.

На семейном совете решили запихнуть и меня в первый класс школы, которая была прямо под окнами родительской спальни. И запихнули.

Все нормальные люди с умилением вспоминают своих первых учительниц, бережно хранят в памяти детали — кружевной воротничок, стоптанный башмачок, седые прядки, школьные тетрадки. Пару золотых зубов по углам и привычку застегивать кофту не на ту пуговицу. Ну хотя бы имя-отчество...

Я не только не помню свою первую учительницу — я вообще из первого своего

школьного класса не помню решительно ничего. И никого.

Как известно, в первом классе никаких отметок, кроме “пятерок”, в принципе не бывает. Тем более — в итоговой таблице успеваемости. В моей таблице за первый класс “пятерок” не было вообще.

Родители с этим смирились. А что им оставалось? Старший брат все школьные годы был круглым отличником. Ну а младший... Кем является младший брат в сказках народов мира, хорошо известно.

Однако когда после первого моего класса школу преобразовали в интернат для умственно отсталых детей, родители, видимо, решили, что это уже слишком, и перевели меня в соседнюю школу, через дорогу. Но ненадолго.

Через неделю после начала занятий мама услышала от соседки, что совсем неподалеку, на Палихе, открылась французская спецшкола. Спецшколы только входили в моду, и классы по конкурсу там уже давно были набраны. Да если бы и оставалась такая возможность,

судя по плачевным итогам первого класса, вести меня на собеседование было вполне бессмысленно.

В итоге вместо меня собеседование успешно сдала моя великая мама. Во всем, что касалось детей, она была неостановима. И хотя это было против всех правил и инструкций, меня зачислили.

Сначала — условно.

Француженки

И во французской спецшколе невыносимых училок хватало. Математичка Анна Федоровна, диктуя в нос условие банальной задачи “Из пункта А в пункт Б вышел поезд...”, умудрялась делать грозные ударения не только на каждом слове, но и на каждой букве, включая согласные. Особенно мрачен был в ее исполнении конечный пункт Б.

Однако атмосферу школы задавала не она, а местные *француженки* — учительницы французского языка. Их было много, и на каждой ле-

жала своя печать нездешности, тень иного мира, отгороженного от нас, советских пионеров, глухим железным занавесом.

Вообще-то наши французенки сами никогда во Франции не были. При этом они тщательно отработывали нюансы произношения и грамматических форм французского языка, досконально изучали с нами план Парижа, по которому никогда сами не бродили.

Это был настоящий театр абсурда, рядом с которым дистиллированный абсурд Беккета — Ионеско кажется вершиной соцреализма, но тем незамутненней и прекрасней был творимый ими миф Франции, избавленный от каких бы то ни было бытовых подробностей.

Классная руководительница Галина Борисовна была очень молодой и очень симпатичной. Этого оказалось вполне достаточно, чтобы мы ее полюбили. На классных часах она читала вслух нудную книжку про хорошие манеры, стараясь таким безнадежным способом их нам привить.

Вскоре Галина Борисовна уехала на работу в дружественную Африку. Снова я увидел ее в ве-

стибюле школы пару лет спустя и чуть не кубарем рванул вниз по лестнице. Она мельком приветливо посмотрела на меня, сказала: “Как ты похорошел!” — и продолжила разговор с коллегой.

Мне было тогда лет двенадцать (может, тринадцать). От такого поворота я остолбенел, на ватных ногах направился к зеркалу, что висело у входа в раздевалку. Попробовал посмотреть на себя какими-то иными глазами, но ничего нового не обнаружил. На меня глядел ошалелый отрок в школьной бесформенной форме мышинового цвета.

Примерно к тому же времени относится воспоминание о том, как мы в школьном сортире, как положено, мерялись пиписьками. Самая убедительная оказалась у тощего одноклассника, в шеренге на физкультуре стоявшего последним. Это озадачило.

На этом месте закроем опасную тему полового созревания (временно) и обратимся к моменту перехода во Вторую школу.

Тут своя история. Когда после 7-го класса я получил грамоту на городской олимпиаде

по математике, а следом за ней — письма из математических школ с приглашением поступать туда без экзаменов и собеседований, родители призадумались. Навели справки. Решили сдать меня во Вторую матшколу — она считалась лучшей в Москве.

Летом мы весело и безмятежно стояли под Москвой школьным палаточным лагерем. Туда родители и приехали за мной — пусть и без конкурса, но надо было обозначиться в новой школе в определенный день, чтоб меня зачислили.

Уходить из французской спецшколы, где мне было совсем неплохо, где в классе была тесная компания, не хотелось. Когда папа с мамой приехали за мной, чтоб отвезти в эту чертову Вторую школу, я не нашел ничего умнее, как спрятаться в лесу, проявив необычное для себя радикальное упрямство.

Родители, видимо, всерьез перепугались. Через верных моих друзей передали заверения, что никуда меня не повезут. Но чтоб я немедленно выходил.

Сошлись на компромиссе: я остаюсь в своей французской, но буду раз в неделю ездить в вечернюю матшколу (она работала как раз при Второй).

Туда я исправно и даже охотно ездил потом весь год. Занятия в вечерней школе вели студенты, и это было совсем не похоже на тоскливое мычание Анны Федоровны. Да и направлялся я туда не один, а с одноклассницей Ленкой Захарьиной, которая, судя по всему, мне тогда весьма нравилась.

Через год, после экзаменов восьмого класса, тесная компания во французской школе стала распадаться — кто-то собрался уходить, а взбалмошную Галку, центр и мотор всей нашей команды, вообще грозили оставить на второй год...

В общем, мы с Ленкой решили переходить во Вторую школу.